

* * *

У клетки приморской забитые светом углы.

А тот человечек, вписавший щегла в середину,
как будто бы жив до сих пор и в щегловы седины
стыдливо вплетает послушные пальцам угли.

Задумался, что ли, и боль
не почувствовал, что ли.

Но выводы сделав, от них встрепенёшься скорей:
«И все-таки будет полёт: я не стану, не стану в загоне
свалявшимся трутом для искры служить несвоей!»

А тот человечек щегольи сомненья догонит:
«Что ж, вот тебе, птица, от светлых умов – муравей.
Забыв о труде, королеве и мушьеи болезни,
он встанет под самой душою, у левой ноги.
Он ждёт твой полёт, в ожиданье своём бесполезен.
И ты, как надежду, отныне его береги».

А клетка приморская светом забита в углах.
И что-то решается в этих просторных углах.

* * *

А я ей: «Кортасар!»

Она: «Контрабас!»

А я ей: «Он – идол!»

Она: «Человек!»

И долго мы ваньку
валяли для вас.

По корпусу – трещины.
Щепки – на снег.

* * *

Вырастет ли когда-нибудь
синяя цинерария?
Через кремень мозолевый
сильная прорастёт?

Полюс. Граница дымная:
там, где страданьем Зилова –
судорога Вампилова.
Много чего ещё.

Где Башлачёв с Ванюшею.
Врач со свечой потушенной.
Где на полах шаметовых
пыль золотая ждёт.

Глянть-ка! Цветы раскинулись.
Будний свинец отбросили.
И в лазурит закутались.

Даль зарядил ружьё.